

ВОЙНА В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ СТЕНДАЛЯ И Л.Н. ТОЛСТОГО

На одном из интернациональных конгрессов, посвященных памяти Стендаля, в 1967 г. И.Г. Эренбург, подчеркивая значение этого знаменитого французского писателя, отметил, что «каждое новое поколение прочтет его по-своему, но всегда найдет в нем созвучные своему времени черты. Его произведения помогут людям понять своих соотечественников и самих себя»¹.

Вместе с тем в связи с очерком «Уроки Стендаля» Эренбург остановился на вопросе о тенденциозности и правдивости писателя. «Тенденциозность не может помешать художнику, если он искренен и помнит законы искусства. В своих книгах Стендаль искал не правдоподобности, а правдивости, реализм его не подчинен догме, он - ощущение реальности мира и сердца..»²

Известно, что Стендаль посвящал, по его словам, свои творения «немногим», имея в виду читателей с чувствительной душой, восприимчивой ко всему прекрасному. Среди таких читателей еще при его жизни были русские писатели А.С. Пушкин, П.А. Вяземский и др. Вскоре после смерти Стендаля к его произведениям обратился и юный Толстой.

Ссылаясь на свидетельства современников Толстого, известный литературовед-исследователь творчества Стендаля А.К. Виноградов утверждал, что Толстой впервые познакомился с романами этого писателя еще в подростковом возрасте. В шестнадцать лет им был написан философский трактат в подражание Стендалю.

Особый интерес представляют воспоминания французского профессора Поля Буайе, посетившего Ясную Поляну в 1901 г., который привел такие слова Толстого: «Что касается меня, я знаю, чем обязан другим; знаю об этом и говорю; и прежде всего я обязан двоим - Руссо и Стендалю... Я хочу видеть в нем (Стендале. - И.Г.) лишь автора "Пармской обители" и "Красного и черного". Это два несравненных шедевра»³.

К сожалению, эти романы не сохранились в Ясной Поляне. В личной библиотеке писателя остались только два сплетенных тома Стендаля на французском языке. Это «Прогулки по Риму» (*Promenades dans Rome. Par de Stendhal Henry Veul. P., 1873*). Нам неизвестно, какие еще сочинения, кроме упомянутых, читал Толстой. Что касается автобиографических произведений «Жизнь Анри Брюлара» или «Жизнь Наполеона», «Воспоминания о Наполеоне» и других, то они не упоминаются у Толстого нигде. К тому же такие книги, как «Воспоминания о Наполеоне» и другие его работы, остались незаконченными. «Некоторые главы из "Жизни Наполеона" были напечатаны Р. Коломбом в виде частных писем Стендаля в 1854 г. В 1898 г. Жан де Митти в книге "Наполеон" опубликовал несколько новых фрагментов той же книги. Отрывки из "Мемуаров о Наполеоне" были напечатаны в журналах, в частности в *Revue de deux mondes* за 1855 г. Полный текст того и другого сочинения был напечатан в издании Шампиона в 1929 г., с него и сделан перевод на русский язык. Не оставил Стендаль никаких записей о походе 1812 года в Россию, хотя известно, что 14 ноября 1832 года он предлагал парижскому издателю Левассеру свою исповедь, которая должна была начаться с русского похода 1812 года и заключать в себе исторический роман, картину политических и военных событий вместе с любовными приключениями автора»⁴.

О его переживаниях, трудностях, перенесенных в этом походе, и чуть ли не гибели во время пожара в Москве, а потом при переправе через Березину, мы узнаем из некоторых сохранившихся коротких писем Стендаля к сестре Полине и близкому другу Феликсу Фору в Гренобле, а также из отдельных строк, разбросанных в названных выше сочинениях.

И тем не менее Толстой утверждает, что именно у Стендаля он научился описывать войну, и не случайно многие читатели считают «Пармскую обитель» одним из источников романа «Война и мир».

В упомянутой беседе с французским профессором Полем Буайе о литературе Толстой конкретизировал, почему он так высоко ценит Стендаля: «Я больше, чем кто-либо обязан Стендалю. Он научил меня понимать войну. Кто до него описал войну такую, какова она есть на самом деле?.. Повторяю... все, что я знаю о войне, я прежде всего узнаю от Стендаля.

Перечитайте в "Пармской обители" рассказ о битве при Ватерлоо. Кто до него так описал войну, то есть такой, какой она бывает на самом деле? Помните, как Фабрицио едет по полю битвы, абсолютно ничего не понимая, и как ловко гусары снимают его с коня, с его прекрасного "генеральского" коня... Вскоре в Крыму я получил полную возможность убедиться во всем том, что я знаю о войне, мой первый учитель - Стендаль»⁵.

«Два офицера, проделавшие в разные эпохи две труднейшие кампании XIX века... - развивает эту тему Леонид Гроссман в статье 1916 г. "Стендаль и Толстой", раскрывая нам сущность общности взглядов двух писателей разных национальностей и поколений на войну, объяснял их отрицание этого страшного явления в жизни человечества. -Один из них Анри Бейль, корнет драгунского полка и впоследствии интендант императорской армии, участник нескольких наполеоновских походов, в том числе и русской кампании 1812 года, обозначил свои романы именем Стендаля. Другой, артиллерийский подпоручик, наблюдавший сражения с бастионов осажденного Севастополя, был будущим автором "Войны и мира".

Мы находим в их теориях резюме военной философии XIX в., в их художественных описаниях и психологических страницах вечные образцы батальной живописи и частичный комментарий ко всякой будущей войне»⁶.

Глубокое разочарование - вот их состояние после походов. «Я чувствую себя мертвецом, я утратил все свои страсти, - замечает Стендаль в своем дневнике за 1813 г., вернувшись из России. - Кажется, дряхлый старик не может быть холоднее...» Несколько раньше, в 1809 г., неся изнурительный труд по бесконечной переписке по вопросам интендантской службы, он отмечает «странный беспорядок, какой производит война», «адскую вакханалию» в местечке, где вместо 2 тыс. жителей оказалось 40 тыс. - голодных, «готовых наплевать на все!»; генерал, не знающий, как добраться в свою бригаду, «как вор» грызущий солонину.

5 мая 1809 г., засыпая от усталости, Бейль заносил в свой дневник впечатления последних двух дней: «...ужас забавный, если можно так выразиться» - яркий свет, оказавшийся пожаром, бешеный галоп обозных лошадей, мечущихся во всех направлениях. и ужас, который «был действительно ужасен, до тошноты - трупы людей и лошадей на мосту и в реке, обгоревшие тела на улицах догоравшего городка. и весь этот ужас на фоне восхитительного пейзажа!»⁷

Еще до наполеоновского похода в Россию Анри Бейль узнал, что такое война. Но что представляет собою наполеоновская армия, он по-настоящему увидел только в России.

Если в октябре 1806 г., отправляясь в Германию, Анри Бейль еще склонен был поверить тому, что армия принесет Франции славу, а Наполеон - свободу, то в России развеялись остатки его иллюзий.

Наполеоновская армия предстала перед ним как «океан варварства», в котором его «душа не находила отклика ни в чем»⁸.

Такое чувство глубокого уныния испытал Толстой, оказавшись на Кавказе, в первых же опасных схватках с чеченцами. По его собственному признанию, он только и думал о том, чтобы положить в ножны свой меч, до такой степени военный образ жизни стал для него невыносимым. Его, так же как и Стендаля, поразил контраст красоты окружающей природы и враждебности воюющих сторон.

«Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, - пишет Толстой в рассказе "Набег", - под этим неизмеримым звездным небом? Неужели

может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных?»⁹.

Оба писателя увидели войну во всех ее проявлениях. Стендалю приходилось работать в госпиталях, помогать переноске раненых, наблюдать лазареты в плачевном состоянии с единственным хирургом для сотен раненых, вступать в сожженные города и проезжать в обозных повозках по сплошной дороге тел, фонтаном выбрасывающих внутренности под давлением колес. Он переправлялся через мосты, усеянные сотнями трупов людей и лошадей, через реки, поглощающие их тысячами, он чуть не погиб во время пожара в Москве и переправы через Березину. В Москве Стендалю пришлось сменить пять пылающих дворцов, наверняка он задохнулся бы в дыму, если бы не бородастый русский мужик, кучер Артемисов, не вывел из опасного места и проводил его по ночной горящей столице; возможно, этому бородатому русскому мужику принадлежала честь спасения тогда еще аудитора Государственного совета, а впоследствии писателя Анри Бейля. Известно, что Стендаль выехал из Москвы задолго до начала общего отступления французской армии. Эта армия, застигнутая внезапно наступившим холодом и голодом, отступая по дороге, уже опустошенной войной, попала в ужасные условия. Десять недель, проведенных Бейлем в страшном напряжении, на всю жизнь запечатлелись в его сознании. В письме к сестре Полине в Гренобль из Кенигсберга 18 декабря 1812 г. Стендаль признается: «Я спасся благодаря решимости не погибнуть и собственным усилиям. Много раз я был на грани полной потери сил и видел перед собой смерть».

В «Рассуждениях о войне» в залпе бауценской канонады Анри Бейль пишет о своем отвращении к войне. Свое первоначальное восприятие войны он сравнивает со стаканом пунша, а последующие впечатления - с тем «отвратительным опьянением, которое дает злоупотребление напитком»¹⁰.

Военный опыт Толстого был не менее богат. И ему, как Стендалю, пришлось узнать все виды и формы войны. Он беседовал в лазаретах с ранеными, всматривался в лица людей с отрезанными ногами или вылуценными в плечах руками, по тусклым взглядам которых он понимал, что перед ним существа, уже выстрадавшие лучшую часть своей жизни. Он наблюдал докторов с окровавленными лицами, он видел, как фельдшер с профессиональным равнодушием кидает в угол отрезанные руки, а трава и земля на перевязочных пунктах были пропитаны кровью на десятину вокруг. Он все это воспроизвел в своих произведениях. Вспомним раненого князя Андрея Болконского на Бородинском поле в романе «Война и мир». Вспомним также «Севастопольские рассказы», где писатель развенчивает романтику войны, господствовавшую прежде в художественной литературе, и показывает войну в настоящем ее виде - «в крови, в страдании, в смерти...»¹¹.

Итак, для обоих писателей война - это самое безобразное, уродливое и тяжелое из всех деяний человеческой жизни. Это полное разочарование в надеждах и мечтах на подвиг, славу и награды для молодых людей, ищущих в войне свое место под солнцем.

«При таком восприятии войны оба писателя задумывают свои батальные сцены... - говорит Леонид Гроссман в уже упомянутой статье "Стендаль и Толстой". - Все их впечатления отстаиваются в образы их военных описаний и выделяют из массы накопленного материала несколько теоретических положений о сущности и смысле войны. <.. >

Художники Стендаль и Толстой облекли свою военную философию в картины исторической действительности. Психологи по существу своих дарований, они демонстрировали эти батальные полотна сквозь субъективное восприятие отдельных лиц. <.. >

Сражение при Ватерлоо в "Пармской обители" разворачивается перед нами в смене встревоженных впечатлений Фабрицио дель Донго, как Бородинская битва в круговороте полусознательных наблюдений Пьера Безухова. Пьер Безухов - доброволец, скачет, как стендалевский герой, за каким-то генералом и наблюдает затем с опаснейшего пункта картину разворачивающихся военных действий. <.. >

Каждому участнику битвы кажется, что самое главное происходит где-то вне его и что он отнесен событиями к исполнению самой незначительной роли в громадном, исторически ответственном деле.»¹²

Анализируя этот художественный прием отражения войны, так привлечший внимание Толстого, другой литературовед П.М.Топер писал: «Новаторство Стендаля заключается в том, что войну он показывает не с позиции полководца одной из сражающихся армий, и не глазами ее участника, и не обыкновенным взглядом историка, знающего конечную истину, а через стороннее сознание неопытного человека... Показанная через восприятие Фабрицио великая битва... распадается на ряд отдельных незначительных эпизодов... Все описание Ватерлоо выдержано, казалось бы, в этом ключе: мозаика деталей и впечатлений, полное отсутствие общей картины и ощутимой связи между ними; как сказано в романе, Фабрицио "понять он ничего не мог".

Непонимание войны юным Фабрицио... является важнейшим средством раскрытия его психологического состояния и, одновременно, благодаря ему снижается все, что связано с наполеоновской легендой... Снижение показного героизма - постоянная мысль Толстого...

Отсюда путь ведет... к штатскому Пьеру, удивленными глазами которого показано Бородинское сражение...»¹³

Известный литературовед А. Скафтымов обращает внимание на то, что не следует преувеличивать зависимость Толстого от Стендаля: «Здесь речь может идти лишь об общем виде и внешних элементах батальной картины, той сложной и конкретно разнообразной психологии военных настроений, какую мы видим в персонажах Толстого, у Стендаля нет»¹⁴. «Толстой, в отличие от Стендаля, - продолжает эту мысль Топер в уже упомянутой работе, - описывал армию, воодушевленную патриотическими идеалами, которые жили в генералах, в солдатах, и в штатском Пьере. Он был уверен в справедливости народной войны. Прием, впервые введенный в литературу Стендалем, служит здесь существенно иной цели. Он помогает не только передать "безумие" войны, но и, одновременно, показать подлинное величие, подлинную славу тех, кто сознательно сражается за правое дело»¹⁵.

Небезынтересен тот факт, что сражение, послужившее образцом для батальных сцен в романе «Война и мир имело место на самом деле в России на Бородинском поле в 1812 г. и свидетелем его был сам Стендаль. Что касается битвы при Ватерлоо, то Стендаль не видел ее и не был ее участником. П.А. Вяземский, хорошо знавший Стендаля и навещавший его во время работы над «Пармской обителью», вспоминал, что перед писателем лежали планы Бородинского боя, вокруг были разбросаны портреты Кутузова, Барклая де Толли и прочие изобразительные материалы войны 1812 года. Возможно, отсюда такая правдивость, яркость в изображении картин и образов в романе.

Единственной достоверной деталью в описании битвы при Ватерлоо остается известный факт, что перед битвой разразилось страшное ненастье и полки увязли в грязи; в романе упоминается, что на проселочных дорогах меж дугов было по колено грязи, затруднявшее движение войск.

Здесь хочется упомянуть другой аспект событий 1815 г. в восприятии Стендалем Ватерлоо. «Если в 1817 году писатель еще склонен был оплакивать это поражение, то в 1825 году он утверждал: "Какое счастье, что французы проиграли сражение при Ватерлоо! Если бы Наполеон победил бы, мы остались бы такими же ослепленными, какими были в 1812 году"»¹⁶. По мере продвижения французских войск по территории России менялся взгляд Стендаля и на своего противника. Он не понял истинных мотивов упорного сопротивления русских солдат, видя в них темных, забитых, фанатично-религиозных крестьян, придавленных рабством своих хозяев. «Не воззвания и не награды воодушевляют русских солдат на бой, а приказания святого угодника Николая», - писал он в «Жизни Наполеона»¹⁷.

Вместе с тем в книге «История живописи в Италии» (1817) Стендаль отмечал духовную сплоченность, нравственную силу русского народа: «Исход жителей из Смоленска, Гжатска и Москвы, которую в течение двух суток покинуло все население, представляет собой самое удивительное

моральное явление в нашем столетии. <...> Русский деспотизм... совсем не принизил народ духовно»¹⁸.

Уже на пути из Дрездена в Бауцен в 1813 г., идя со 140-тысячной армией, преследуемой «казаками», Бейль снова вспомнил поход в Россию: «Внутренний мир душ, увиденный мною во время отступления из Москвы, навсегда отбил у меня охоту к наблюдениям над грубыми созданиями, рубаками, составляющими армию»¹⁹. Он так и не увидел подлинных героев - освободителей Отечества. Возможно, это не случайно, Анри Бейль не раз подчеркивал свою отдаленность от простого народа. Речь шла не только о русском, но и французском народе, к которому писатель принадлежал по рождению и которого он не мог не любить. Стендаль утверждал, что создавал свои произведения не для обычного читателя, а для человека с тонким вкусом, умеющего ценить художественные ценности, видеть вокруг себя красоту. В автобиографической повести «Жизнь Анри Брюлара» (1835), где автор вспоминает свои детские и юные годы, мы находим такого рода признание: «. я решился заглянуть в общество якобинцев в Гренобле, (родина писателя. -И.Г.), собиравшихся в церкви Сент-Андре... Узкая и высокая церковь была очень плохо освещена, я увидел много женщин низшего сословия. Словом, я тогда был таким же, как теперь: я люблю народ, ненавижу притеснителей, но жить с народом было бы для меня непрерывным мучением. <...> У меня слишком нежная кожа, как у женщины (впоследствии у меня всегда появлялись волдыри на руке после часа упражнений с саблей), из-за всякого пустяка бывают царапины на пальцах, которые у меня очень красивы - словом, тело у меня, как у женщины. Отсюда, может быть, безграничное отвращение ко всему, что кажется грязным, или мокрым, или бурым, много всего этого было у якобинцев из Сент-Андре. <...>

Нужно признаться, - продолжал Бейль в той же повести, - что несмотря на мои республиканские убеждения, родные передали мне свои аристократические вкусы. У меня остался этот недостаток и, например, какие-нибудь десять дней назад он помешал мне иметь любовное приключение. Я ненавижу чернь (ненавижу иметь с ней дело), между тем как под именем народа я страстно желаю ей счастья и думаю, что ей нельзя дать его иначе, как спросить ее мнение об этом важном предмете, иначе говоря, предоставить ему выбрать своих депутатов.

Мои друзья - или, вернее, так называемые друзья - на этом основании подвергают сомнению искренность моего либерализма. Я чувствую отвращение ко всему грязному»²⁰.

Семья самого Анри Бейля не принадлежала к аристократическому кругу. Отец его был адвокатом, дед, итальянец, - врачом. Это была буржуазно-интеллигентная среда, что не мешало Анри-Мари Бейлю чувствовать себя аристократом и даже мечтать о баронском титуле. «У меня были тогда и теперь, - писал он, - самые аристократические вкусы; я готов был сделать все для блага народа; но, мне кажется, я предпочел бы проводить каждый месяц две недели в тюрьме, чем жить с обывателями лавок»²¹. Чувство пренебрежения к коллегам незнатного происхождения не покидало его и в Москве, где он особенно ощущал одиночество из-за низкого образовательного уровня своих сослуживцев. «Русская кампания, - читаем мы в одном из его писем, написанном в Москве во время дежурства у главного интенданта 4 октября 1812 г., - была для меня испорчена тем, что я совершил ее с людьми, способными присутствием уничтожить все величие Колизея и красоту Неаполитанского залива».

Но было бы неправильно думать на основе приведенных примеров только о неприязненном отношении Стендаля к простому народу. В его душе всегда жило уважение к честной бедности, а в романе «Пармская обитель» выражена глубокая симпатия к капралу Обри и к отзывчивой маркитантке, благодаря вниманию и заботам которых юный Фабрицио остался жив на поле Ватерлоо.

Наряду с художественными произведениями Стендаля его предвзятое отношение к простому народу опровергает весь трудовой образ жизни

писателя. Прежде всего его военная служба на посту интенданта, когда он забывал о своем здоровье, о еде, об отдыхе, заботясь об обмундировании солдат, о снабжении их провиантом. А во время отступления из России, переправы через Березину он, рискуя своей жизнью, спас коллег Бюша и Бергонье, которые в свое время, будучи в Москве, смеялись над тем, что он вместо обогащения, интересовался красотой архитектурных памятников столицы и содержанием библиотек дворянских особняков.

Полемичность взглядов Стендаля сказалась не только в отношении к простому народу, но и в его рассуждениях о причинах войны 1812 года и поражения в ней наполеоновской армии. Это находит свое подтверждение при сопоставлении затронутых вопросов в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» и в сочинениях французского писателя.

Для Толстого с самого начала его служебной карьеры было ясно, что несет с собой война человечеству: разорение, рабство и смерть. Здесь нет и намек на интерес открытия для себя новых миров, чужих стран, который в свое время вовлек юного Стендаля в бурный поток военных действий вслед за его кумиром Наполеоном, обещавшим своему народу богатство и славу.

«Что произвело это необычайное событие? Какие были причины его? - спрашивает Толстой в романе, - историки с наивной уверенностью говорят, что причинами этого события были обида, нанесенная герцогу Ольденбургскому, несоблюдение континентальной системы, властолюбие Наполеона, твердость Александра, ошибки дипломатов и т.п. <...>

Для нас - потомков не-историков, не увлеченных процессом изыскания... причины его представляются в неисчислимом количестве. Чем больше мы углубляемся в изыскание причин, тем больше нам их открывается, и всякая отдельно взятая причина или целый ряд причин представляются нам одинаково справедливыми сами по себе, и одинаково ложными по своей ничтожности в сравнении с громадностью событий...»²²

Стендаль же, будучи на стороне Наполеона, оправдывает его нападение на Россию. В книге «Жизнь Наполеона» он пишет: «Мысль о войне с Россией, осуществленная императором, была популярна во Франции... Всем монархам нужна была успешная война с Россией, чтобы отнять у нее возможность вторгнуться в среднюю Европу.

Разве не было естественным воспользоваться в этих целях моментом, когда Францией правил великий полководец, своим искусством возмещавший огромные невзгоды этой страны?»²³. Наполеон считал, что, «если он добьется успеха в России, он будет владыкой мира». Это мнение императора Стендаль приводит, подводя итоги событий 1812 года, которые он в краткой форме излагает в той же книге «Жизнь Наполеона»: «Наполеон потерпел поражение - не от людей, а от собственной гордыни и от климатических условий, - писал он, - и Европа начала вести себя по-иному. Мелкие государи перестали трепетать, сильные монархи отбросили колебания; все обратили взоры на Россию; она стала средоточием неодолимого сопротивления»²⁴. «Стендаль... жестоко ошибался... заблуждался, - отмечает литературовед Б. Реизов, - в оценке исторических событий, мотивов, руководивших императором, расстановки политических сил, в оценке исторической роли России, войны 1812 года и т.д. <...> Это объясняется и полемическим характером его книг, и недостатком документации, и желанием оправдать Наполеона, противопоставив его деятельность бездарности современных правительств. События, о которых он говорил, далеко еще не отошли в прошлое, они все еще сохранили свою остроту, а Стендаль писал не столько историческую, сколько полемическую работу»²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мюллер-Кочеткова Т.* Стендаль: Встречи с прошлым и настоящим. Рига: Лиесма, 1989. С. 248.

² Там же. С. 187.

³ Буайе П. Три дня в Ясной Поляне // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. М., 1978. Т. 2. С. 268.

⁴ Реизов Б. Историко-литературная справка // *Стендаль*. Собр. соч.: В 15 т. М.: Правда, 1959. Т. 15. С. 432.

⁵ Буайе П. Указ. соч. С. 268-269.

⁶ Гроссман Л. Стендаль и Толстой // Рус. мысль. 1916. Кн. 6. С. 34-35.

⁷ Цит. по: Мюллер-Кочеткова Т. Указ. соч. С. 136.

⁸ Там же. С. 137.

⁹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Т. 3. С. 29.

¹⁰ Виноградов А. Стендаль и его время. М., 1960. С. 131.

¹¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 9.

¹² Гроссман Л. Указ. соч. С. 36-39.

¹³ Топер П.М. Ради жизни на земле: Литература и война: Традиции.

Решения. Герои. М., 1985. С. 27-34.

¹⁴ Скафтымов А. Нравственные искания русских писателей. М., 1972. С. 171.

¹⁵ Топер П.М. Указ. соч. С. 37.

¹⁶ Реизов Б. Стендаль. Философия истории. Политика. Эстетика. Л., 1974. С. 85.

¹⁷ *Стендаль*. Собр. соч.: М.: Правда, 1959. Т. 11. С. 137.

¹⁸ Там же. Т. 6. С. 225.

¹⁹ Цит. по: Мюллер-Кочеткова Т. Указ. соч. С. 198.

²⁰ *Стендаль*. Собр. соч. Т. 15. С. 115

²¹ Там же. С. 179.

²² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 3-4.

²³ *Стендаль*. Собр. соч. Т. 11. С. 131.

²⁴ Там же. С. 136-137.

²⁵ Реизов Б. Историко-литературная справка. С. 392-393.